

Я слышал от людей, что большинство отверженных на самом деле не протягивают и двух веков. Они сами уходят в дикие земли, в бездну, в места, где их уже никогда не отыщут. Они просто... перестают идти, замирают на месте, словно ожидая, пока нечто придет и заберет их. Что угодно, лишь бы положить всему конец.

Поля набрался храбрости и поднял голову, глядя на Гидору.

Так что видите, господин. Жить долго — не обязательно благо.

Гидора не ответил, потому что вспомнил себя.

Он вспомнил годы, проведенные в заточении.

Вспомнил дни без просвета и ночи без тьмы — впрочем, различий между ними не было, ведь день и ночь там казались одинаковыми: один и тот же серый цвет, один и тот же холод, одно и то же тотальное ничто.

Он вспомнил шепот, звучавший в его голове.

Этот голос говорил: ты вечен, ты несокрушим, ты будешь существовать вечно.

Господин? — голос Поля вновь вернул его в реальность.

Гидора опустил веки, скрывая то, что бушевало в его расплавленно-золотых глазах.

Он ничего не сказал, лишь легко кивнул.

Он жил слишком, слишком долго — настолько долго, что почти забыл, кто он такой, настолько долго, что ему потребовался раб-Хворостинка, чтобы напомнить ему: когда-то он тоже был человеком.

Где находится Утопия?

Никто не знает. Говорят, она появляется в разных местах. Иногда в пустыне, иногда на снежных равнинах, иногда под землей в городах. Только отверженные могут отыскать ее — другие же, пройди они хоть тысячу раз, не заметят входа.

Гидодора в этот момент подумал: если однажды он покинет эту бездну, сможет ли он найти то место, сможет ли найти тех, кого точно так же выбросили за борт.

Но он не произнес этого вслух, лишь приподнял руку и легко взмахнул ею.

Из глубин пещеры донесся шуршащий звук — мгновение спустя оттуда выползло искаженное тенью чудовище, но в когтях оно держало испускающий слабый свет минерал.

Приложи к ноге, так она быстрее заживет.

Поль взял минерал.

Он был теплым, не обжигающим, на ощупь — словно кожа живого существа.

Поль немного посомневался, а затем прижал камень к культе — боль в тот же миг утихла наполовину.

Он поднял голову и снова посмотрел на существо, сидевшее на каменном троне.

Черные волосы.

Расплавленно-золотые глаза.

Бледная кожа.

Очевидно, обличье демона, но поступает он совсем не по-демонически.

Поль вдруг вспомнил истории, которые сказители рассказывали в Городке Шлака: демоны в сказках вечно лгут, за всё дарованное ими приходится платить, а исцеленная нога непременно сломается вновь, но уже иначе.

Господин, скажите... почему вам нужно, чтобы кто-то с вами разговаривал?

Взгляд Гидодоры скользнул поверх Поля, устремляясь в непроглядную тьму глубин пещеры.

Потому что, если никто не говорит со мной, я забываю, что когда-то был человеком.

Поль замер.

Когда-то был человеком? Поль не понимал этих слов, и оттого вопросов у него только прибавилось, однако расспрашивать дальше он не стал.

Он лишь опустил голову, глядя, как теплый минерал постепенно сглаживает боль в сломанной ноге и исцеляет ее.

Господин, я буду всегда разговаривать с вами, пока вы хотите слушать.

Гидора кивнул, и в пещере вновь воцарилась тишина.

Но на этот раз от нее уже не веяло пугающей мертвенной зловещестью. Первый день прошел.

Поль не заметил, как заснул.

Когда он проснулся, свет в пещере оставался прежним, а существо с черными волосами и золотыми глазами по-прежнему сидело на каменном ложе — даже поза не изменилась ни на йоту, словно оно не шевелилось всю ночь.

Проснулся, — произнес Гидодора.

Поль, опираясь на руки, приподнялся и машинально потрогал левую ногу.

Она поистине исцелилась!

Поль несколько раз надавил пальцами, чувствуя вполне реальный отклик живой плоти.

О чем расскажешь сегодня?

Голос Поля звучал ровнее, чем вчера, но в нем все еще слышалась утренняя хрипотца.

Страх в его сердце не исчез, но его уже размыли усталость и какое-то странное привыкание — подобно тому, как человек, долго принимающий яд, постепенно вырабатывает к нему стойкость.

Расскажи, чего ты боишься.

Рука Поля все еще лежала на ноге, движение замерло на полуслове.

Я... чего я боюсь?

Да.

Расплавленно-золотые глаза Гидодоры казались способными пронзить плоть и добраться до самого костного мозга.

Ты боишься меня, боялся с самой первой встречи. И хотя страх не прошел, взгляд у тебя теперь другой. Почему?

Поль и впрямь все еще боялся.

Этот страх, словно тонкая игла, вечно колол где-то на самом дне души, он не исчезал, не притуплялся, просто... просто больше не властвовал над ним.

Я... я не знаю, — честно ответил он.

А я знаю. Потому что ты начал думать, будто я добрый.

Лицо Поля окаменело.

Я не ошибаюсь. Ты видишь, что я не убил тебя, не пытал и даже исцелил твою ногу. Ты думаешь: быть может, этот демон вовсе не демон. Быть может, он просто бедолага, застрявший здесь. Быть может, я могу ему довериться.

Поль хотел возразить, но понял, что не в силах вымолвить ни слова. Ибо каждое слово Гидодоры было чистейшей правдой.

Как... как вы узнали?

Потому что я прожил куда больше, чем ты можешь вообразить. Я повидал слишком много людей. Их страхи, их надежды, их предательства, их преданность. Твое лицо — как раскрытая книга, Поль.

Поль умолк.

Спустя мгновение Поль набрался смелости, поднял голову и прямо встретился взглядом с расплавленно-золотыми глазами.

А вы? Кто вы?

Гидора не стал отказывать на этот дерзкий вопрос.

Я и сам не знаю, хотя некогда думал, что знаю. Я человек, я дракон, я бедствие, я враг богов. Но теперь... я не знаю.

Когда эти расплавленно-золотые глаза устремились вдаль, во тьму, Полю вдруг показалось, что что-то едва заметно кольнуло его прямо в сердце.

Если я умру, с вами некому будет разговаривать.

Да.

Здесь редко бывают живые люди?

Редко. За сто лет ты — второй.

Сердце Поля ухнуло вниз.

Тогда... тогда почему вы не выйдете отсюда?

Меня предали боги.

Поль не стал допытываться, но Гидора все же заговорил сам, хотя в его тоне прорезалось странное смущение.

Была одна богиня, она мне очень нравилась.

Поль затаил дыхание, прислушиваясь.

Я думал, я ей тоже нравлюсь, думал, мы сможем... сможем иначе, но я ошиблся, — уголки губ Гидодоры искривились в подобии горькой усмешки.

Богам не нужна любовь.

Поль вдруг почувствовал, как жалок этот собеседник, и понятия не имел, что сказать, чтобы утешить демона.

И тут в его голове забрезжила мысль — мысль, которой у раба-Хворостинки быть не должно.

Но Поль все же высказал ее.

Я могу вытащить вас отсюда.

Гидора посмотрел на него.

В этот миг в расплавленно-золотых глазах промелькнуло многое — абсурд, жалость и едва уловимое... любопытство.

Затем Гидора рассмеялся.

Это был не насмешливый, не презрительный смех — ему просто... показалось забавным.

Ты? Раб?

У меня есть сын. У сына будут внуки. У внуков — правнуки. Дети детей, бесконечный род.

Гидора покачал головой.

Сколько ни будь букашек, они все равно останутся букашками.

Поль почувствовал, как на огонь в его груди вылили ушат ледяной воды, но отступить не стал.

Отчаяние наделило его странной храбростью, позволившей досказать последнюю мысль.

Вы можете обучить нас!

Гидора замер.

Вы обучите нас, и наши дети и внуки перестанут быть букашками. В один прекрасный день мы сможем прийти туда, куда не дойти вам, и сделать то, что не под силу вам. И тогда —

И тогда... вы сможете меня спасти?

Поль тяжело кивнул.

Но собеседник промолчал.

Тишина множилась в тишине, порождая все новые пласты безмолвия.

Эта тишина казалась весомой; она давила на плечи Поля, на его только что исцеленную ногу, на его тридцатилетнюю спину, согбенную так, будто ему уже пятьдесят или шестьдесят.

Полю казалось, что его сейчас раздавит, но он не шевельнулся.

Гидора же просто смотрел на него.

И когда расплавленно-золотые глаза, казалось, готовы были прожечь душу Поля насквозь —

Меня держат здесь слишком, слишком долго.

Он поднялся, подошел к Полю и заглянул на него сверху вниз.

Ты думал о том, сколько веков понадобится твоим потомкам, чтобы совершить то, чего не могу сделать даже я?

Поль не отвлек глаза.

Не знаю. Но кто-то должен начать первым.

Гидора глядел сверху вниз на этого коленопреклоненного раба-Хворостинку — на этого хромого дурня, которого бросили сородичи, но который все же осмелился заявить демону: Я могу спасти вас.

Какая глупость.

Как... интересно.

Знаешь, ты самый глупый человек из всех, что я встречал.

Поль опустил голову.

Я знаю.

Ты ведь даже не понимаешь, на что подписываешься.

Я знаю.

Твои потомки могут погибнуть, могут предать, твой род может оборваться очень скоро.

Я знаю.

Гидора рассмеялся.

Человек, запертый в заточении столь долго, наконец-то нашел способ скрасить время.

Знаешь, что в бесконечных часах самое страшное?

Не боль, а одиночество.

Полю вдруг стало не по себе: это слово, слетевшее с уст демона, обрело странный, тяжеловесный смысл.

Только тьма, только тишина и собственные воспоминания — причем по большей части состоящие из предательств и смертей.

Гидора снова шагнул вперед.

Если ты умрешь, сколько веков придется ждать следующего собеседника?

Так что эту твою глупую затею... я одобряю.

<http://bllate.org/book/19072/1873295>